

«BACK IN THE USSR», ИЛИ О ПРИЧИНАХ НОСТАЛЬГИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА О «ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»

Н. В. Карпова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 26 сентября 2019 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию природы и факторов формирования ностальгических ориентаций современных россиян по отношению к советскому прошлому. Автор показывает, что идеализация советской системы представляет собой, с одной стороны, ситуативную реакцию массового сознания на затянувшиеся социально-экономические проблемы российского общества. С другой стороны, воссоздание позитивного образа советского прошлого выступает элементом символической стратегии политики государства, отражающей цели и концепции построения национального суверенитета современной России.*

Ключевые слова: *архетип, массовое сознание, политическая культура, политический миф, легитимность.*

Abstract: *the article is devoted to the study of the nature and factors of the formation of nostalgic attitudes towards the Soviet past in contemporary Russia. The author shows that the idealization of the Soviet system is, on the one hand, a situational reaction of the mass consciousness to the protracted socio-economic problems of Russian society. On the other hand, the reconstruction of the positive image of the Soviet past acts as an element of the symbolic strategy of state policy, reflecting the goals and concepts of building the national sovereignty of Russia.*

Key words: *archetype, mass consciousness, political culture, political myth, legitimacy.*

Исследовательский интерес к вопросам, касающимся отношения народа к историческому прошлому своей страны, имеет объективное научное обоснование прежде всего в контексте понимания будущего развития государства. Особый формат подобные вопросы приобретают в системах, переживших кардинальные политические трансформации, перед которыми стоят задачи поиска и выстраивания дальнейших стратегий своего развития. В таких ситуациях оценки прошлого со стороны общества можно рассматривать как некий индикатор успеха реализации новой политики и осуществляемых реформ. И в этом отношении для оценки настоящего периода политического развития современной России восприятие советского прошлого российскими гражданами по прошествии уже почти трех десятков лет с момента Беловежских соглашений также является весьма показательным.

В принципе, тема отношения россиян к Советскому Союзу не выходила из поля зрения социологов со времен его распада, и в той или иной степени тоска по исчезнувшей стране регулярно получала отражение в результатах опросов, проводимых различными аналитическими центрами. В частности, данные всероссийского исследования об отношении россиян к распаду Советского Союза, выполненного ВЦИОМ в рамках проекта «Евразийский монитор» в 2016 г., также показали, что и спустя четверть века после

распада великой державы почти 2/3 российских граждан в той или иной степени сожалели о произошедшем историческом событии [1]. И хотя в жизнь вступило новое поколение российских граждан, родившихся, выросших или взрослевших уже не в Советском Союзе, доминирующая часть современных россиян все же демонстрирует ностальгические настроения по существовавшему ранее государству. Причем в последние годы «тоска» по советскому прошлому стала фиксироваться довольно чаще, проявляясь не только в романтических образах советской культуры, но и затрагивая в том числе сферу социального государства и модель государственного управления.

Так, например, наличие тенденции к идеализации советской власти конца 1970-х – начала 1980-х гг. по сравнению с нынешним политическим классом отчетливо продемонстрировали результаты социологического опроса Левада-центра, проведенного в июне 2019 г. Согласно представленным исследователями аналитическим данным, по приоритетным семантическим доминантам власть эпохи «застоя» воспринимается сегодня российскими гражданами в более позитивном свете по сравнению с нынешними представителями властных структур. Советская власть (как обобщенное понятие политического класса того времени) в наши дни представляется как более близкая к народу (29 %), сильная, прочная (25 %), справедливая (22 %), в отличие от нынешней власти, которая воспринимается обществом как криминальная,

коррупцированная (41 %), далекая от народа, чужая (31 %) и невидимая (19 %) [2].

Однако подобная «идеализация» советского прошлого представляется не совсем однозначной и по своему характеру оказывается не совсем самостоятельным явлением. Данные ориентации, на наш взгляд, во многом проявляются как ситуативная реакция массового сознания на недовольство действующей властью. Разочарования результатами бесконечных реформ, неоправдавшиеся ожидания от властей социальной справедливости, рост бедности и социально-экономической дифференциации в стране стали и продолжают быть объективными причинами роста недовольства действующей властью. По данным на 2015 г. в оценках россиян большинство современных политиков характеризовалось преимущественно их стремлением к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами (36 %), корыстолюбием (33 %), неуважением к рядовым гражданам (28 %), пренебрежением к законам (25 %), бесчестностью, непорядочностью (18 %) и безнравственностью (15 %) [там же]. Не поспособствовала укреплению рейтингов представителей власти и анонсированная в 2018 г. пенсионная реформа. И если говорить о недавних показателях в рейтингах властей, то на август 2019 г. уровень недоверия премьер-министру составлял 65 %, российскому «парламенту», Государственной Думе – 60 %, Правительству – 55 % [3]. Отсюда является вполне естественным, что проявляющееся в длительных трендах негативное отношение народа к властям различного уровня неизбежно заставляет общество искать некие идеалы, обращаясь к историческому прошлому. То есть в данном контексте идеализация советской системы выступает как ответ общества на недостаточно эффективную работу политической системы, как механизм негативной идентификации. Поскольку действительно, если говорить о социальных гарантиях, не хватающих нынешним россиянам, в советской системе в этом отношении было немало плюсов, к которым прежде всего относились бесплатное образование и медицина, социальное и пенсионное обеспечение и др., которые живы в воспоминаниях народа. Поэтому положительная ориентация общества на советское прошлое в данном аспекте – это объективный результат неопределенности граждан в настоящем и неуверенности в будущем. Но между тем воспоминания о лучшей жизни в Советском Союзе – это только одна сторона рассматриваемого нами явления.

Параллельно нельзя не отметить, что идеализация советской системы, формирующаяся в том числе на основе негативного отношения к действующей власти, не разрушает идеологический фундамент политической системы, сформировавшейся в России с начала 2000-х гг., а в некотором роде, наоборот, ока-

зывает ей определенную поддержку и как бы работает на нее. В поисках позитивного идеологического контекста само государство целенаправленно обращается к некоторым избранным идеям и практикам советского времени для легитимизации своих политических действий. Достижения советской эпохи для современной России воплощаются в определенный символический капитал для ее собственной политической идентификации, а оживление позитивных для общества коннотаций советского прошлого становится эффективным материалом для мифологических конструкций современности, ведь мифология – это то, что во многом определяет настроения людей, дает надежду на будущее.

По словам О. Ю. Малиновой, использование прошлого в политике является «инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности», и особое значение оно имеет «для воображения наций» [4, с. 114]. Отсюда интерпретацию советского прошлого во втором десятилетии ХХ в. можно рассматривать как определенный элемент символической стратегии нашего государства, направленной на укрепление солидарности и единения российского общества. И хотя, как подчеркивает сам автор понятия «символический капитал» П. Бурдьё, в символической борьбе, ведущейся за производство символических стратегий и видения социально-политической реальности, государство не является единственным агентом, но, бесспорно, занимает в ней особое положение, так как фактически обладает «монополией на легитимное символическое насилие» [5, с. 72].

Если посмотреть в аспекте хронологии, то обращение власти к советскому прошлому в контексте символической политики государства стало проявляться в начале второго президентского срока В. В. Путина, когда в послании Федеральному Собранию прозвучали слова о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века» [6]. И несмотря на то что в выступлениях В. В. Путина впоследствии высказывались и критические замечания в адрес советского прошлого, но история Советского Союза в главных ее вехах для власти в данный момент оказывается «политически пригодной», прежде всего, как «история великой державы, которая, несмотря на все трудности, оказалась способна осуществить (пусть и не вполне совершенную) модернизацию и превратиться в ведущего актора мировой политики» [4, с. 123]. При этом немаловажную роль в советской истории сыграла победа в Великой Отечественной войне, которая на сегодняшний день является одним из базовых символических конструкций нашего государства и общества.

В данном контексте «ревизия» советского прошлого, используя снова риторику П. Бурдьё, выглядит как «официальная номинация – акт символического

внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса... поскольку он совершен через доверенное лицо государства» [5, с. 72]. Соответственно, весьма понятна и реакция массового сознания, которое через ностальгические ориентации активно отражает и воспроизводит продвигаемые властью символические идеи советского времени и воссоздаваемые идеализированные образы коллективного существования «всего народа». Так, среди причин сожаления о распаде СССР россиянами называются прежде всего разрушение единой экономической системы (49 % – 2006 г., 53 % – 2016 г.), потеря принадлежности к великой державе (55 % – 2006 г., 43 % – 2016 г.), рост взаимного недоверия, отчужденности (36 % – 2006 г., 31 % – 2016 г.), утрата чувства, что ты повсюду как дома (25 % – 2006 г., 30 % – 2016 г.) [7]. А это все не что иное, как задачи, стоящие сегодня на повестке дня в современной России и ожидающие своего решения.

В этой связи обращает на себя внимание, что по мере роста влияния современной России на мировой арене, в «послекрымский» период, ностальгия по СССР как великой державе в обществе снижается, в то время как на фоне продолжающихся в современной России социально-экономических проблем экономические причины ностальгии по советскому прошлому возрастают. Понятно, что усиление позиций России на мировой арене начинает удовлетворять запросы со стороны общества, так как появляются реальные победы, которыми страна может гордиться и которые определяют ее величие. Но подобное пока нельзя сказать о социально-экономической ситуации в стране, где почти двадцать миллионов человек находятся за чертой бедности.

Конечно, по объективным причинам среди сожалующих о распаде Советского Союза доминирующей возрастной группой является старшее поколение – это те, кто жил в той системе, имел стабильную работу и видел определенные перспективы именно в той системе. Вместе с тем знаковым для понимания и анализа мифологической природы ностальгических ориентаций относительно советского времени является то, что подобные настроения живут и растут даже среди молодых людей 18–24 лет, которые родились уже после распада СССР и в своей жизни никогда не соприкасались с советским периодом [8]. Соответственно, этот исторический период молодые люди больше всего воспринимают и воспроизводят как некую мифологему «о золотом веке», предлагаемую сегодня в современном информационном пространстве.

Любая мифологическая конструкция, по словам профессора Г. Гусейнова, представляет собой «воображаемое хранилище истины», «интеллектуальную реальность, которая имеет отношение не к времени, а к вечности», и к которому обращаются, когда нуж-

но «окормить некое вновь возникшее государство» [9]. И в этом смысле задачи политического мифотворчества всегда конкретны. Они состоят прежде всего в воссоздании в конкретных образах и символах коллективной памяти народа, хранящей в себе значимый для текущего момента социально-политический опыт, касающийся самоорганизации и управления нации. На это по сути и направлены рассматриваемые нами реконструкции великих советских проектов, процессы возрождения картин советского прошлого, отражающего политические цели и концепции построения национального суверенитета современной России.

Как правило, в условиях переходных процессов и кризисов, когда разрушаются рациональные основания и мотивация в политической сфере, роль политических мифов в обществе сильно возрастает. «Если рациональные пласты разрушены, – отмечает А. Н. Кольев, ... то через миф рациональный слой сознания снова заполняется. Ведь порой необходимость мифа ощущается почти болезненно, а обретение мифа реконструирует картину мира» [10, с. 75]. Смыслообразующий характер мифа, ясная система образов формируют у граждан определенное понимание и представление о целях развития государства, поддерживая тем самым психологическую защищенность в обществе и чувство уверенности в будущем.

Присущая каждому народу «...национальная мифология, – пишет В. С. Полосин, – это подсознание народа, “колодец времени” большой Семьи, ... иносказание о ее реальном опыте, архетипы которого выражены в символических образах» [11, с. 83]. Однако сам по себе архетип, как его трактовал К. Г. Юнг, это всего лишь каркас, предрасположенность, центральная первоначальная идея, лишенная конкретных образов, но наполняемая реальным содержанием в ходе исторического развития сообщества. Важно то, что при универсальном наборе базовых архетипов коллективного бессознательного мифологические сюжеты для каждого народа уникальны и выступают определенной генетической системой программ и установок. Поэтому мифотворчество – это всегда трансляция реальности в ее смысловом содержании и смысловой форме, обусловленная конкретной исторической памятью конкретного народа. И любой политический миф в отличие от национального является не чем иным, как «приспособлением некоторого культурного мифа для политических целей» [10, с. 76]. Прежде всего он создается ради конкретной миссии и чтобы служить определенным политическим интересам.

Политики прекрасно осознают, «...что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой, – отмечал еще в первой половине XX в. немецкий исследователь политической мифологии Э. Кассирер, – и они ма-

стерски используют это знание... Пророчество стало неотъемлемым элементом в новой технике социального управления. Даются самые невероятные и избыточные обещания; «золотой век» предсказывается вновь и вновь» [12]. По мнению ученого, в политических мифах прежде всего выражаются коллективные желания в высшей степени их актуализации, и они по сути являются не чем иным, как ответом на запросы общества.

Мифологема о «золотом веке», с использованием которой мы связываем процессы реставрации властью советского прошлого, относится к одному из основных мифологических сюжетов, выстраиваемых вокруг базовых архетипов коллективного бессознательного. В системе национальной мифологии она изначально обращает людей к «светлому» прошлому, его идеям, ценностям, правилам жизни, которые должны фактически стать образцом для построения светлого будущего. При этом в задачи конструирования на ее основе мифа политического входит прежде всего «ревизия» тех аспектов предлагаемого «золотого века», которые соответствуют необходимым политическим целям.

Безусловно, эффективность и «пригодность» любых мифологем исторического прошлого «существенно зависит от конфигурации уже сложившегося репертуара понятий, представлений, образов, символов, нарративов» [4, с. 116], которые содержатся в политико-культурных традициях общества, работают в массовом сознании и тем самым дают возможность конструировать положительно окрашенный образ, ведь архаические мифы сохраняются на протяжении всей истории народа, проявляясь не только на уровне коллективного бессознательного. Заключая в себе некий «культ предков» и становясь прообразом для политических мифов современности, архаические мифы закрепляются в политических традициях общества и тем самым проникают в содержание политической культуры. И в данном контексте результативность использования проектов, связанных с воссозданием советской реальности, объясняется их органичным сочетанием с типом и характером российских политико-культурных традиций.

Так, например, либеральные проекты и обосновывающие их мифологемы, предлагаемые реформаторами в 90-е гг. прошлого века, в этом отношении имели под собой весьма зыбкую почву. Даже обладающие неким символическим потенциалом и значимостью в исторической перспективе образы прорывов, великих реформ (например, реформы Александра II) не смогли служить эффективным инструментарием для построения мифических конструкций в системе традиционной российской политической культуры, в то время как действенность политического мифа в современной России пока во многом зависит от того,

насколько он соотносится с исторически сформировавшимися в нашем обществе глубокими государственно-патерналистскими установками, обосновывающими приоритет сильной власти, высокие ожидания от государства и его покровительство, необходимость «сильной руки» и т. п. [13].

Сама идеология советского общества как «золотого века» со всеми присущими ей мифологемами изначально основывалась на традиционных для нашей страны архетипических образах и являлась вполне органичной для матрицы российской ментальности. Идеологические конструкты советского периода очень точно отражали генетически заложенную в российской политической культуре потребность общества в великой державе и особой роли страны в мировой истории. «С давних времен было предчувствие, – отмечал в свое время русский философ Н. А. Бердяев, – что Россия – предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна... Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России» [14, с. 14]. Конечно, философ при этом совершенно верно отмечал, что к идеям «этого порядка прилипло много фальши и лжи», чего не избежал и советский период, но вместе с тем именно в этих идеях «отразилось подлинно народное», то, из чего произрастали традиции российской политической культуры.

Вместе с тем нельзя не отметить, что идеологические конструкты советской системы строились не только на мифологических элементах архаических времен, но и по преимуществу были устремлены в будущее, пропитаны надеждами и включали в себя «вполне рациональный слой общественного строительства», который «люди просто не успели демонтировать за 10 лет» [9]. Этот факт, несомненно, сыграл свою роль в процессах реабилитации советского периода в сознании современных россиян. Важно еще то, что современный политический миф о «золотом веке» советского прошлого создается в отрыве от политического контекста того периода, он оторван от идеологических мотивов коммунистического проекта. И такая версия воссоздания советской истории и пользования ею оказалась гармонично соответствующей политическим ориентациям современных россиян.

Основными и действенными конструктами в возрождении позитивных образов и положительных символов советского времени стали прежде всего значимые достижения в области культуры, искусства, в спорте, достижения и прорывы в науке и освоении космоса, а также героизм советского народа и победа в Великой Отечественной войне. Да и сама тема победы над фашизмом в Великой Отечественной войне на сегодняшний день относится к числу немногих положительных нарративов о коллективном прошлом

своей страны, принимаемых и разделяемых большинством российских граждан. В этом смысле именно советское прошлое стало примером того, как великое государство и великий народ могут творить великие победы, а это та реальность, которую новая Россия предложить с нуля собственными силами пока не смогла, но в которой очень нуждается народ и которая необходима для формирования национальной идеи и национальной идентичности.

В качестве примера и механизмов ренессанса великих событий советского периода можно выделить, например, возрождение парадов 7 ноября на Красной площади, проводимых в память о параде 1941 г. В современном информационном пространстве сам парад 7 ноября 1941 г. выступает особой (в некотором роде даже отдельной) датой, поворотным моментом в российской истории, имевшим огромное значение для поднятия морального духа всей страны в первый военный год, но в то же время представленным вне изначально присущей ему идеологической оболочки. И это верно, но между тем первоначальные исторические причины парада, связанные с Октябрем 1917 г., в наши дни оказываются несколько нивелированными. По аналогии происходит и актуализация других моментов советского прошлого, которые начинают жить своей жизнью, приобретают иное значение и коннотации в новом историческом коммуникационном пространстве. Таким образом, в массовом сознании воссоздается та советская реальность, где все было хорошо, и поэтому ностальгия по «той стране» в обществе является вполне обоснованной, ее отчасти можно рассматривать как позитивный опыт и пример для будущего развития.

Однако, несмотря на демонстрируемые в обществе ностальгические настроения по Советскому Союзу, реально доля выступающих за восстановление СССР уменьшается. По данным Левада-центра, в 2001 г. эту идею поддерживали 30 % россиян, а уже в ноябре 2016 г. всего 12 % граждан заявляли, что лично поддержали бы восстановление «СССР в его прежнем виде» [15]. И это вполне понятно, поскольку в реальности, как мы уже говорили, люди преимущественно тоскуют по великой идее, великой державе, «с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике» [14]. Но несмотря на ценимые россиянами достоинства социалистической системы, в недавней памяти средних и старших поколений также сохраняются воспоминания об обреченности страны на застой и экономическое отставание от развитых стран, ведь в те годы от распада Советского Союза ожидалась новые перспективы развития.

Поэтому задачи идеализации СССР и возрождения мифологии о советском прошлом прежде всего требуют воссоздания и самой позитивной мифологии,

обслуживающей советскую систему. Например, иной образ Советского Союза как страны пустых магазинных полок очень активно использовался политтехнологами в президентской кампании Б. Ельцина в 1996 г. в борьбе с Г. Зюгановым. На рекламных плакатах, видеосюжетах под слоганом «Голосуй или проиграешь!» изображались цветные образы новой России и черно-белые фото пустых витрин и прилавков. И это тоже определенным образом работало как воспоминание о советском прошлом, правда, уже с противоположным знаком.

Конечно, образ «светлого будущего» в любой системе невозможно строить исключительно на прошлом. Фактически обращение в наши дни политической элиты к образам советского периода весьма прагматично, их следует рассматривать как процессы ситуативного «использования». Но если «...миф все равно складывается, – совершенно точно подчеркивает Г. Гусейнов, – то лучше ему быть в цивилизованных руках» [9], ведь так или иначе воссоздаваемые властями идеалы «золотого века» превращаются и в соответствующие требования со стороны общества, осуществление которых в конечном итоге и определяет легитимность политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Back in USSR // ВЦИОМ. Пресс выпуск. – № 3274. – 23 декабря 2016 г. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=497>
2. Гудков Л. Образы власти, советской и нынешней / Л. Гудков // Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/2019/08/05/obrazy-vlasti-sovetskoj-i-nyneshnej/>
3. Индикаторы // Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>
4. Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Политическая концептология. – 2013. – № 1.
5. Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. / П. Бурдые ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993.
6. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. / В. В. Путин. – URL: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_tyre63372type63374type82634_87049.shtml
7. Распад СССР : причины и ностальгия // Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/2016/12/05/raspad-sssr-prichiny-i-nostalgiya/>
8. Мухаметшина Е. Число сожалеющих о распаде СССР достигло максимума за десятилетие / Е. Мухаметшина // Ведомости. – 2018. – 19 дек. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/18/789656-sssr>
9. Соломонов Ю. Все беды и проблемы мы сотворили сами... В России даже природные ресурсы уступают энергии социального мифотворчества / Ю. Соломонов //

Независимая газета. – 2018. – 24 дек. – URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2018-12-24/9_7472_beda.html

10. *Кольев А. Н.* Политическая мифология : реализация социального опыта / А. Н. Кольев. – М. : Логос, 2003.

11. *Полосин В. С.* Миф, религия, государство / В. С. Полосин. – М. : Ладомир, 1999.

12. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2. – URL: <http://www.read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Карпова Н. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов

E-mail: karpova-nat@yandex.ru

13. *Карпова Н. В.* Социология политической культуры современной России / Н. В. Карпова. – М. : Инженер, 2012. – Гл. 1. – С. 14–35.

14. *Бердяев Н. А.* Русский народ. Богоносец или хам? / Н. Бердяев, Н. Лосский. – М. : Алгоритм, 2014.

15. *Миллер Л.* Граждане сожалеют о распаде СССР / Л. Миллер // Коммерсант. – 2016. – 5 дек. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3161930>

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Karpova N. V., Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Political Science
and Sociology of Political Processes
E-mail: karpova-nat@yandex.ru*